

Максимилиан Волошин

Демократизация искусства

Очень вредно и бессмысленно, когда формулы и требования одной области общественного строительства переносятся целиком в другую. Принцип равенства (демократизации), вполне разумный и справедливый в области правовой, становится губительным, когда его применяют в той области, где всё основано на порыве к лучшему, высочайшему, то есть, где всё зиждется не на демократизме, а на аристократизме. Если для мира материального принцип демократизма верен и необходим, то настолько же для мира духовного необходим принцип аристократизма.

В моменты революций, когда совершается демократизация учреждений и методов управления, совершенно нормально говорить об аристократизации искусства.

Глубоко ложен принцип «искусство для всех». В нём выявляется ложная демократизация. «Искусство для всех» вовсе не подразумевает необходимой ясности и простоты, это было бы прекрасно, – нет, в нём есть губительное требование об урезке роста мастера в уровень с современным ему невежеством и дурным вкусом, требование «общедоступности», азбучности и полезности. Искусство никогда не обращается к толпе, к массе, оно говорит отдельному человеку, в глубоких и скрытых тайниках его души.

Искусство должно быть «для каждого», но отнюдь не для всех. Только тогда оно сохранит отношение индивидуальности к индивидуальности, которое и составляет смысл искусства, в отличие от других ремёсел, обслуживающих вкусы и потребности множеств.

Силы мира внешнего безразличны: они могут становиться и добрыми, и злыми, в зависимости от воли человека. Каждая новая сила, завоёванная человеческим знанием, преобразует моральный мир человека, но это преобразование совершается тысячелетиями и посредством ряда катастроф.

Сила даёт преимущество тому, в руках кого она находится. На почве эгоизма это преимущество немедленно становится насилием одного или группы людей над другими. Это ведёт к катастрофическим столкновениям, к овладению силой новыми группами и, в результате вековых колебаний и столкновений, к механической выработке необходимой доли альтруизма, самоотказа, самоограничения, то есть – общечеловечности.

Таким образом весь современный государственный строй является окончательным следствием того ряда добровольных самоограничений, которые вытекли из открытия человеком огня.

Огонь выделил человека из порядка других хищников, но он ещё не выплавил до конца человеческие элементы из звериных.

Только в последние века своего существования человечество получило новую силу, не только равносильную, но превосходящую силу огня – силу взрыва. Вернее, силу внезапного увеличения объёма, высвобождения энергии, находящейся в состоянии пассивного равновесия. Оно получило её хотя и быстрыми этапами, но постепенно: сперва в безобидном виде пара, давшем интервал для создания промышленности, потом в виде взрывчатых веществ, далеко превосходящих порох, которые, в соединении с мирной жадностью, созданной силами пара, подготовили кризис современной войны. Но до первоисточка этого порядка материальных сил – до интраатомной энергии мы ещё не дошли. Катастрофические колебания человечества достигнут наибольшей степени напряжённости, когда эта абсолютная материальная сила, а вместе с нею и власть над рождением и смертью материи, будет дана в руки человека: наши битвы народов будут, по сравнению с теми, казаться такой же спортивной идиллией, как нам кажутся теперь битвы античного мира.

Любовь в чистом творческом виде только мыслима для человека. В действительной жизни мы её видим только в смешанном, нечистом виде. Смешиваясь с материальным миром, проникая физический мир человека, она становится земным пламенем, страстью, приобретает лик ненависти. Проникая вещество, она становится взрывчатой, другими словами, материя, упорствуя своему преобразению, разлагаясь, высвобождает свою интраатомную энергию.

Поэтому все проявления любви в мире материальном носят характер крайней жестокости и как бы противоречат самой сущности любви. Таковы проявления исторического христианства.

«Сих косных тел алкание и злоба –
Лишь первый шаг к пожарищам любви...»¹

Как в настоящую эпоху каждый, исследуя мир, от мельчайшего его проявления воспринимает мудрость, но совершенно лишённую любви, лишённую, с нашей точки зрения, морального двигателя, так человечество будущей вселенной, которое будет жить во вселенной, созданной нами, будет воспринимать в каждом проявлении его не мудрость, а любовь.

Отсюда два вывода: из законов внешнего мира мы не можем вывести для себя никакого морального долженствования (по нём мы учимся только ремеслу творчества), но мы можем и должны способствовать его образованиям. С другой же стороны, мы творим изнутри себя законы любви, которые отнюдь не согласуются и не вытекают из законов мира внешнего. Если познание – разум, то любовь – безумие. И то, и другое необходимо для развития мира, и основная моральная задача человека – согласить их в своих действиях: не мешая и сотрудничая работе духов-

¹ Автоцитата из стихотворения «Левиафан» (1915).

устроителей, внести в неё свою стихию любви. Безумию дать разумное творческое русло. Здравый смысл увенчать ореолом безумия.

Мы живём в эпоху, когда всё сдвинуто в мире, нет устоев, нет чувства тяжести, мы не знаем, где верх и низ. Европа сорвана войной, Россия сорвана революцией. Наступило время, когда надо, с закрытыми глазами, как слепому, внутри себя нащупать те тяготения, те точки опоры, которые ускользнули в мире внешнем.

Две силы есть у творческой воли человека: познание и любовь.

Познание – сила негативная. Когда человеческий разум восходит в обратном порядке по ступеням творения небесных иерархий – духов-устроителей мира, – это является разумным познанием. Познание – это творчество, развёрнутое в обратном порядке. Понимание – негативный оттиск творения.

Все положительные творческие силы человека – в Любви. Любовью он вносит в мир новое, ею он сочувствует в работе Иерархий в качестве одной из них.

Задачу человека в мире можно определить так: человек погружён во вселенную мудрости, в которой всё связано архитектурой причинности. Его задача оставить после себя вселенную любви.

Из двух основных требований: познания и любви – вытекает и отношение индивидуальности к настоящему и будущему.

Творческий орган человека по отношению к будущему – это ВЕРА, как волевая сила, дающая обличье невидимому, но уже существу. Вера осуществляет то, что для разума чистое безумие.

По отношению к настоящему должна быть настороже сила противоположная вере, – скептицизм. У личностей, творивших историю и обладавших интуицией здравого, критическое отношение к действительности всегда исправляло их природную религиозность. Отсюда у Наполеона ненависть к идеологии, у Цезаря – система доверия к людям, т. к. каждый человек – семя будущего. Каждому политическому творцу необходимы скептицизм по отношению к фактам и доверие по отношению к людям: и то, и другое заставляет выявлять события и явления свой истинный лик.

Социализм является явлением отрицательным, потому что для направления настоящего он недостаточно практичен, а для выявления будущего его идеал слишком мелок.

В настоящем он ограничивает свою роль справедливым распределением плодов производства, не заботясь ни о практическом, ни о моральном упорядочении его.

В будущем он ставит неприглядный и легко достижимый идеал сытого и комфортабельно обставленного человека.

Это делает социалистов избранными носителями того рабьего духа, который распространяют в мире демоны машин, которые, подобно всякой силе, данной в руки человеку, стремятся не работать на него, а стать его господами.

Россия знала политическую опасность всегда с востока и никогда с запада. С востока она себя защищала и, защищая, завоевывала, – по мере того, как восточные колоссы, ей грозившие, сами начинали разлагаться. Завоевывая на востоке, она сама вносила в завоёванные области сравнительный порядок. Между тем, с запада, то есть от скандинавско-германских племён, она сама получала порядок, добровольно принимая и прося даже о внутренних захватах. Для германского племени так же естественно распространяться на восток за счёт России, как России естественно распространяться на восток за счет обломков великих мусульманских и монгольских царств.

И в том, и в другом случае завоевание облегчалось соблазном относительного порядка. Европейская Россия являлась естественной областью германской колонизации, как сфера наименьшего сопротивления, в том узком международном корсете, который сдавил Срединную Империю.² Поэтому для Германии необходимее всего было раздробить внутреннее имперское единство России, которое, само будучи германского типа и характера, тем не менее мешало и грозило германским планам и самому бытию Германии.

Счастье вовсе не должно являться высшей целью человека на земле. Утверждение Кропоткина о том, что высшим законом является развитие человечества от менее счастливого существования к более счастливому – неверен. Несчастье является основным побудителем к каждому поступательному движению. Счастье, благосостояние, удовлетворенность приостанавливают всякое развитие, в физическом мире и в духовном – это смерть, начало распада. Я не могу пожелать человеку счастья. Я бы заменил понятие счастья духовным равновесием, покрывающим собою все противоречия и ущербы мира материального. Социальный рай на земле находится в полном противоречии с «царством Божьим внутри нас».

Россия и Австрия, как два самых больших конгломерата национальностей в Европе, имеют одну и ту же судьбу: в обоих случаях ряд народностей, не имеющих ничего общего между собой, был сплавлен одной и той же опасностью: угрозой Турецкой империи. Московское собиранье земель было обусловлено татарской опасностью. Фактически турецкая угроза возникла в тот самый момент, когда татарская перестала тяготеть (Иоанн III) над самостоятельным бытием России. Имперский период и огромный рост территории обусловлен опасностью турецкой: она вызывает тяготение к России и добровольную самоотдачу ей и Украины, и Грузии, и Армении. С момента полного уничтожения Турецкой империи, как угрозы мусульманского Востока, обе эти империи – и Австрия, и Россия – теряют исторический смысл и им грозит распадение на основные национальности. Поэтому, как

² В «Краткой повести об антихристе» (1900) Вл. Соловьев называет так провидимое им всемирное государство грядущего «панмонголизма». Срединная империя (Чжунь-го) – официальное название Китая в эпоху династии Чжоу (1122-249 до н. э.), употреблялось и позднее.

только становится очевидно, что Турция кончается, сейчас же начинается процесс сепаратизма и именно в тех областях, которые были спаяны не завоеванием, а общей опасностью: в Малороссии, в Грузии, в Армении.

Русская революция подозрительно схожа с грандиозной германской провокацией, настолько она соответствует интересам и планам Германии, настолько в факте её совершения заключается спасение Германии от железного кольца, которым она уже была окружена. Впоследствии мы узнаем, насколько реально действовала Германия в организации русской смуты. Но уже теперь совершенно ясно, что в мышеловке, куда мы попали, приманкой были положены германской политикой свержение старого режима, гражданская свобода и социальный строй. И они знали, что мы не можем не пойти на этот кусок сала, что для нас наши внутренние немцы ненавистнее, чем далекие немцы внешние, окруженные ореолом науки для интеллигенции, и ореолом социал-демократии для рабочих. Мы были и останемся рабами Германии, с тою выгодой, что после войны наше внутреннее рабство станет рабством внешним и наша внутренняя политическая борьба превратится в борьбу за политическую независимость.

Государство строится отказом от личных страстей и инстинктов, то есть самоотречением и самопожертвованием. Всякий эгоизм ведёт не к закреплению общности, а к её разрушению.

Для того, чтобы личность не погасла, в массе возникает индивидуализм. Но для того, чтобы индивидуализм не принял форм чисто разрушительных (анархических), он должен быть просветлён законом жертвы: в этом возможности христианского государства. Самопожертвование – вот фундамент, на котором может строиться общность, и качество, которым должен обладать каждый призванный к управлению или к представительству. Между тем, в современном парламентском строе система подбора общественных деятелей строится как раз на обратном: на выживании приспособленнейшего, эгоистичнейшего. Доступ к общественным должностям должен быть обусловлен возрастающим рядом обетов и отречений, подобных монашеским.

**Печатается по авторизованной машинописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 333, л. 2-14).
Впервые – Кодры. Молдавия литературная. 1989. № 12. С. 142-145.
Публикация Вл. Купченко.**

Предположительно датируется мартом-апрелем 1917 (Труды и дни-2. С. 18).

ОРГАНИЗАЦИЯ ИСКУССТВА

Революционные эпохи благоприятствуют формированию художественных темпераментов, но это плохое время для процветания искусства. Искусству нужна тишина, молчание, уединение. И в мирное время искусство развивается обычно вопреки общественным условиям, сквозь упорную и косную толщу мещанства, осторожно прорастая своими тончайшими питательными волокнами. Вместе с другими, более устойчивыми общественными нарастаниями революция, конечно, рвёт и эти нежные ткани.

Но опасность не в этом. В эти минуты общественность обыкновенно слишком охотно уступает искусству свои ходовые идеалы, а художники, доверчиво принимая их на веру, переносят в искусство слова и понятия, имеющие смысл и ценность в общественности, но в области искусства являющиеся и вредными, и лживыми.

Корень ошибки лежит в том, что справедливое и полезное в области материального строительства жизни не полезно и не справедливо, когда переносится в область духовную. Равнозначными в этих областях будут требования диаметрально противоположные, но отнюдь не тождественные.

Принцип равенства, вполне разумный в области правовой, может стать губительным, если его применять в области, где все основано на устремлении к высочайшему и совершеннейшему, то есть где всё основано <не> на демократизме, а аристократизме. Если для мира материального верен и необходим принцип демократизма, то для мира духовного настолько же необходим принцип аристократизма.

В моменты революций, когда совершается демократизация направлений и отправлений общественной жизни, совершенно нормально говорить об аристократизации искусства. Напротив, принципы «демократизации» искусства, «общедоступности», «искусства для всех», вообще всякое проявление референдума большинства в искусстве представляют вопиющую бессмыслицу и находятся в полном противоречии с идеей революции, то есть освобождения.

Печатается по авторизованной машинописи (ИРЛИ, ф. 562, оп. 1, ед. хр. 333, л. 15-16).

Впервые – Кодры. Молдавия литературная. 1989. № 12. С. 146.

Публикация Вл. Купченко.

Предположительно датируется мартом-апрелем 1917 (Труды и дни-2. С. 18).